

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).042

А. Г. Мельник

Московский великий князь Василий III и культы русских святых

В работе установлено, что московский великий князь Василий III (1505–1533) уделял особое внимание активному публичному почитанию русских святых. По инициативе этого государя необыкновенно усилилась роль культов отечественных подвижников благочестия в религиозной и общественной жизни России. Почитание этих святых Василий III возвел в ранг государственной политики.

Ключевые слова: XVI в., Россия, великий князь Василий III, культы русских святых.

A. G. Melnik

The Grand Prince of Moscow Vasili III and Cults of Russian Saints

The paper states that Vasili (or Basil) III Ivanovich, the Grand Prince of Moscow (1505–1533) paid special attention to active public veneration of Russian saints. By his initiative the role of the cults of Russian saints in religious and social life of Russia increased to a great extent, that is to say that Vasili III made veneration of these saints on the level of the state policy.

Keywords: the 16th century, Russia, the Grand Prince of Moscow Vasili III, cults of Russian saints.

Судя по летописям и другим источникам, московский великий князь Иван III (1462–1505) не предпринимал специальных усилий по утверждению и распространению в своем государстве культов русских святых. Лишь незадолго до смерти, осенью 1503 г., он совершил поездку в Троице-Сергиев монастырь, Переславль-Залесский, Ростов и Ярославль [19, с. 257–258; 21, с. 374]. Вероятно, это было богомольное путешествие по святым местам [6, с. 3], но прямо об этом в летописях не сказано.

Каково же было отношение к русской святости следующего московского великого князя – Василия III (1505–1533)? Иначе говоря, какую роль в период его правления играли культы святых в религиозной и общественной жизни России? Конечно, надо иметь в виду, что в ту эпоху не существовало ясного разделения между этими двумя сферами. Для ответа на поставленный вопрос необходимо выяснить, какое внимание Василий III уделял публичному почитанию русских святых, сколь часто он предпринимал богомольные путешествия к их гробницам, занимался ли он насаждением и распространением их почитания. Данные вопросы в науке столь определенно еще не ставились. Основными источниками, ис-

пользованными в работе, являются летописи, писцовые книги, акты, жития святых, надписи на памятниках культуры и некоторые другие документы.

Сначала приведем в хронологическом порядке свидетельства источников о богомольных путешествиях Василия III.

Первое надежно документированное известие о богомольной поездке великого князя Василия III относится к 16 июня 1510 г. Характерно, что оно содержится не в летописях, а в приписке в церковном уставе: «Лета 7018, ходилъ велики (въ) Новгородъ да и Псковъ взялъ месяца ген. 20 д. А пришедь на Москву, былъ въ Сергиеве монастыре месяца июня 16, да поставилъ свещу негас(имую) у Сергиева гроба» [26, с. 60; 4, с. 110].

8 сентября 1510 г. «князь великий Василей Ивановичъ всеа Русии выехалъ съ Москвы въ Переславль, а после себя велель за собою быти великой княгине и былъ въ Переславле, а оттоле былъ во Юрьеве, и въ Суздале, и въ Володимери, и въ Ростове; а на Москву приехалъ князь великий Декабря въ 5, в четвертокъ» [22, с. 13; 21 с. 384]. Хотя прямо здесь не указано, что Василий III совершил именно богомольное путешествие

по перечисленным городам, это более чем вероятно.

15 декабря 1513 г. великий князь присутствовал на освящении законченной постройкой надвратной церкви Сергия Радонежского с приделом Василия Парийского в Троице-Сергиевом монастыре [8, с. 225; 12, с. 12].

В сентябре 1515 г. Василий III «с великою княгинею ездил к Троице в Сергиев монастырь, а оттоле ездил по городам» [20, с. 142].

В июне 1518 г. «благочестивый и христоролюбивый князь великий Василий благословился у отца своего Варлаама митрополита и поехал к Живоначальной Троице в монастырь преподобного Сергия чудотворца помолиться и благословиться, хотя пойти на свое дело на своего недруга Жихъдимонта короля Полскаго» [22, с. 29; 21, с. 394]. Ясно, что Василий III молился о победе над этим своим врагом.

В мае 1519 г. «выехал князь великий из града Москвы к чудотворцу Николе на Угрешу» [22, с. 32; 23, с. 267], то есть в подмосковный Николо-Угрешский монастырь.

В декабре 1526 г. «князь великий был у Пречистые на Тихвине помолиться» [22, с. 45; 17, с. 374]. Как известно, главной святыней Тихвина являлась икона Богоматери Тихвинской, считавшаяся чудотворной. Несомненно, именно к ней обращался с молитвами Василий III.

25 сентября 1528 г. великий князь был «у Троицы в Сергиеве монастыре на чудотворцову память и с великою княгинею» [24, с. 235].

Некоторое время спустя, в том же 1528 г. великий князь «поехал по чудотворцемъ»: в Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Белоозеро, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и Корнилиев Комельский монастыри [22, с. 46; 24, с. 235]. Основная цель этой поездки состояла в следующем: Василий III со своей княгиней Еленой отправились «молити Господа Бога и Пречистую Богородицу и великаго чудотворца Кирила, въ еже датися има чадородию в наследие роду самодержавства ихъ всеа Русии» [5, с. 322].

4 сентября 1530 г. в Троице-Сергиевом монастыре великий князь крестил своего сына Ивана, родившегося 25 августа этого года [22, с. 50–53; 21, с. 407].

В конце 1530 г., на праздник Рождества Христова (25 декабря) Василий III «был у Пречистой на Тихвины» [17, с. 375].

17 сентября 1531 г. «князь великий поехал к живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцевой памяти помолиться, и с вели-

кою княгинею Еленою и с сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ» [22, с. 56; 21, с. 409].

22 сентября 1532 г. поехал великий князь из Москвы в Троице-Сергиев монастырь «къ чудотворцевой памяти Сергиевой помолиться» [22, с. 66; 23, с. 280].

10 марта 1533 г. поехал великий князь из Москвы «помолиться к Николе к Зарасскому на Осетрь» [22, с. 68; 23, с. 282]. Здесь имеется в виду почитаемая икона Николы Зарайского в городе Зарайске.

21 сентября 1533 г. «князь великий Василей Иванович всея Руси выехал с Москвы и с великою княгинею Еленою и с детьми своими, к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь, к чудотворцевой памяти к Сергиеве помолиться, а оттоле поехал на Волок на свою потеху. И на Волоце нача изнемогати ногою, и проявися болячка на нозе той, на стегне; и начать болезнь крепка быти отъ болячки той. И повеле князь великий вести себя с Волока к Пречистой в Осифов монастырь помолиться; и оттоле на Москву привезоша его болного Ноября 23, в неделю» [22, с. 75; 23, с. 285]. Вскоре Василий III умер.

Приведенная выше хроника позволяет сделать следующие выводы. Великий князь Василий III многократно посещал русские города и монастыри с целью молитвы у их святынь, которыми являлись гробницы угодников Божиих и почитаемые иконы. Он молился «о чадородии», то есть о даровании ему детей, и о победе над внешними врагами. Государя часто в этих поездках сопровождала его семья – великая княгиня и дети. Чем старше становился Василий III, тем чаще он бывал в святых местах. На исходе жизни он посещал монастыри ежегодно. Характерно, что и жизнь великого князя подошла к концу в процессе последнего его богомолья в Иосифо-Волоколамской обители.

Причем, надо полагать, мы знаем не обо всех паломнических путешествиях Василия III. Косвенно это подтверждает то, что известия о части из них не попали в основные московские летописные своды. Так, об упоминавшейся выше поездке государя в Троице-Сергиев монастырь в 1510 г. мы узнаем лишь из записи в церковном уставе, а о поездке в ту же обитель в 1528 г. – из «Соловецкого летописца».

Но собранных данных достаточно, чтобы прийти к выводу: именно Василий III сформировал традицию регулярных богомольных путешествий представителей высшей государственной

власти России по святым местам. Особенно часто государь бывал в Троице-Сергиевом монастыре у раки преподобного Сергия Радонежского. Это отметил еще немец Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в 1517 и 1526 гг.: «Главный монастырь в Московии – в честь Св. Троицы, который отстоит от города Москвы на XII Нем. миль к Западу; похороненный там Св. Сергий, как говорят, совершает много чудес, и его набожно прославляет изумительное стечение племен и народов. Там бывает часто сам Государь (Василий III. – А. М.), а простой народ стекается туда ежегодно в определенные дни, причем кормится от монастырских щедрот» [3, с. 66]. Следовательно, Василий III выработал и обычай регулярных паломничеств в данную обитель. При том же правителе сложились два типа богомольных походов: короткий – в один духовный центр и длинный – в целый ряд таких центров.

Теперь обратимся к вопросу, какова же была роль Василия III в поддержке и распространении почитания русских святых? Вполне очевидно, что наиболее явным и надежным способом утвердить устойчивое почитание определенного святого в каком-либо центре является строительство в нем храма, посвященного этому подвижнику благочестия. Значит, создание таких храмов представляло собой один из важнейших способов распространения культов святых. Попробуем обобщить все известные примеры покровительства Василия III сооружению и функционированию церквей во имя отечественных угодников Божиих.

Особенно определенно отношение великого князя к сооружению церквей, посвященных русским святым, выражено в официальной Никоновской летописи, в которой под 1514 г. помещена особая статья, озаглавленная: «Заложены быша церкви каменны делати въ Москве» [22, с. 18].

Далее в этой статье говорится: «Тоя же весны благоверный и христоробивый князь великий Василей Иванович всея Руси со многимъ желаниемъ и верою повеле заложити и делати церкви каменныя и кирпичныя на Москве». Затем перечислены десять этих церквей. Семь из них были посвящены Богородице и общехристианским святым и три – русским подвижникам: «церковь Владимиръ святыи въ садехъ», «за Неглинною церковь святыи Леонтей чудотворецъ Ростовский», «за Неглинною церковь святыи Петръ чудотворецъ митрополитъ всея Руси» [22, с. 18; 21, с. 387].

Наличие специального заголовка у этой статьи и само ее содержание красноречиво свидетельствуют о том, что великий князь придавал исключительное общественное значение сооружению названных храмов в своей столице. Явно не случаен состав русских святых, во имя которых были возведены названные три церкви. Князь Владимир был крестителем Киевской земли, епископ Леонтий мыслился как креститель Ростова, древнейшего города Северо-Восточной Руси, и первый святой данного региона, митрополит Петр – первый предстоятель русской церкви, избравший Москву в качестве своего постоянного места жительства, и первый московский святой. Таким образом, вероятно, для Василия III данные святые олицетворяли всю историю христианства на Руси и конкретнее – преемственную духовную связь между Киевом, Ростовом и Москвой.

Возвратимся на один год назад. Как уже упоминалось, 15 декабря 1513 г. великий князь Василий III присутствовал на торжественном освящении церкви Сергия Радонежского с приделом Василия Парийского в Троице-Сергиевом монастыре [8, с. 225]. Последний святой считался небесным покровителем Василия III. Из этого следует вполне логичное предположение о причастности государя к заказу строительства данного храма [4, с. 107; 11, с. 7]. В том же 1513 г. или в ближайшее последующее время Василий III повелел построить в своей резиденции, Александровой слободе, церковь во имя московского святого Алексея митрополита [10, с. 110–124].

Великий князь содействовал строительству кирпичного собора Бориса и Глеба в Ростовском Борисоглебском монастыре в 1522–1523 гг. над захоронением основателей данной обители преподобных Феодора и Павла [18, с. 12–14]. В летописях под 1527 г. отмечено, что великий князь Василий Иванович в Москве «церковь поставилъ камену же святыхъ мученикъ Бориса и Глеба на Орбате за Неглимною» [22, с. 46; 21, с. 404].

Существует недостаточно документированная версия о строительстве по заказу Василия III около 1528 г. собора Никиты мученика с приделом св. Никиты Переславского в Переславском Никитском монастыре [9, с. 10; 2, с. 30–31].

Согласно летописям, в августе 1531 г. «князь великий Василей Иванович всеа Руси поставилъ церковь древяную обетную у Благовещенья на старомъ Ваганкове, Усекновенья честныа главы Иоана Крестителя, а у нее два придела, Фома апостоль да Петръ чудотворецъ. Сего ради по-

тщася великий государь, и обеть свой соверши, и приять дело своим руками царскама первые всех делателей, и по немь начаша делати, и совершиша единымь днемъ; того же дни и священа бысть, бысть же на освящении томъ князь великий съ великою княгинею Еленою, и съ сыномъ со княземъ Иваномъ, и з боляры, и множество народа» [21, с. 412; 22, с. 59; 23, с. 278].

По заказу того же государя кирпичная церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи с приделом Кирилла Белозерского была построена в 1531–1534 гг. в Кирилло-Белозерском монастыре [7, с. 30–31; 16, с. 27–28].

Как видим, по приказу и на средства великого князя Василия III были построены самостоятельные и придельные церкви во имя следующих русских святых: князя Владимира, Петра митрополита, Леонтия Ростовского, Алексея митрополита, Сергия Радонежского, Никиты Переславского, Кирилла Белозерского, Бориса и Глеба. По своему статусу эти храмы являлись приходскими, монастырскими, и один из них (Алексея митрополита) находился в личной резиденции великого князя. Закладка и освящение некоторых из этих храмов происходили при участии самого государя. Значит, именно великий князь Василий III сформировал традицию государственного покровительства созданию церквей во имя русских святых. Он был также первым московским государем, намеренно способствовавшим насаждению почитания этих подвижников в России.

Известно, что обычай жертвовать шитые покровы, возлагавшиеся на раки или непосредственно на мощи святых, выражал одну из характерных черт практики почитания этих подвижников в XVI в. По велению великого князя Василия III были изготовлены дорогие лицевые покровы для гробниц святых Петра митрополита в 1512 г. [14, с. 200], Леонтия Ростовского в 1514 г. [25, с. 41], Кирилла Белозерского в 1514 г. [13, с. 209], Сергия Радонежского (два покровы) [1, с. 26]. Один из этих двух покровов точно датирован 1525 г. [15, с. 140, табл. 69]. Мы не знаем ни одного случая создания подобных покровов по заказу предшествовавших московских великих князей. Следовательно, традиция жертвовать покровы для гробниц подвижников благочестия от лица представителей высшей государственной власти сложилась при непосредственном участии Василия III.

Выше мы видели, что большинство проявлений почитания святых Василием III носило подчеркнуто публичный характер. Особенно ярко

данная черта обозначилась в следующих обстоятельствах. Под 1518 и 1519 гг. в летописях содержатся рассказы о чудесных исцелениях больных у раки с мощами св. Алексея митрополита, находившейся в московском Чудовом монастыре [22, с. 31, 32–33; 21, с. 397–398]. Узнав об этих чудесах, Василий III с митрополитом всея Руси Варлаамом возглавили процессию, состоявшую из архиереев, других представителей церкви и множества москвичей к гробнице св. Алексея. «Прииде же благоверный и христоролюбивый князь великий Василие Иванович и, видевъ таковаа чюдеса, припаде и поклонился святому и божественному телу святителя и чудотворца Алексиа, и возрадовася радостию великою zelo...» [22, с. 33; 21, с. 397–398]. Таким образом, этим исцелениям был придан высокий государственный и церковный статус.

Подведем итоги. Великий князь Василий III придавал особое значение активному публичному почитанию русских святых. При непосредственном участии этого князя были выработаны следующие традиции их почитания представителями высшей государственной власти: традиция регулярных богомольных путешествий московских государей к гробницам святых, традиция государственного покровительства строительству храмов во имя данных святых, традиция жертвовать покровы от лица московских государей гробницам святых, традиция активного содействия государей утверждению и распространению почитания святых в России. Таким образом, при великом князе Василии III роль культов отечественных святых в религиозной и общественной жизни страны необыкновенно возросла. Некоторые из этих культов получили государственное значение. По существу, почитание русских подвижников благочестия тогда было возведено в ранг государственной политики.

Библиографический список

1. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря [Текст] / Изд. подготовили: Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. – М.: Наука, 1987.
2. Воронин, Н. Н. Переславль Залесский [Текст] / Н. Н. Воронин. – М.: Изд. Академии архитектуры СССР, 1948.
3. Герберштейн, С. Записки о московских делах [Текст] ; П. Иовий Новокомский. Книга о московском посольстве / С. Герберштейн. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908.
4. Голубинский, Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра [Текст] / Е. Е. Голубинский // Чтения в Императорском Обще-

стве истории и древностей российских. – М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских, 1909. – Кн. 3. – С. 95–424.

5. Житие Корнилия Комельского [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13. – С. 304–353.

6. Забелин, И. Троицкие походы русских царей [Текст] / И. Забелин. – М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских, 1847.

7. Зимин, А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. [Текст] / А. А. Зимин // Исторический архив. – М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1950. – Т. 5. – С. 3–39.

8. Иларию, Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры [Текст] / Иларию, Арсений. – М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских, 1878. – Ч. 2. – Отд. 6.

9. Ильинский, П. Переславский Никитский монастырь и его подвижник преподобный Никита столпник [Текст] / П. Ильинский. – Владимир, 1897.

10. Кавельмахер, В. В. Новые исследования Распятской колокольни Успенского монастыря в Александрове [Текст] / В. В. Кавельмахер // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. – М.: ВНИИТАГ, 1991. – С. 110–124.

11. Кавельмахер, В. В. Памятники архитектуры древней Александровской слободы [Текст] / В. В. Кавельмахер. – Владимир: Золотые Ворота, 1995.

12. Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы Лавры [Текст] / Публ. Леонида, архим. // Горский, А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры [Текст] / А. В. Горский. – М.: Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1890. – Ч. 2. – С. 177–182.

13. Маясова, Н. А. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Белозерского монастыря [Текст] / Н. А. Маясова // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. – М.: Наука, 1989. – С. 203–224.

14. Маясова, Н. А. Памятники средневекового лицевого шитья из собрания Успенского собора [Текст] / Н. А. Маясова // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. – М.: Наука, 1985. – С. 189–214.

15. Николаева, Т. В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее [Текст] / Т. В. Николаева. – Л.: Аврора, 1968.

16. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века [Текст] / Н. К. Никольский. – СПб.: Синод. тип., 1897. – Т. 1. – Вып. 1.

17. Новгородская Большаковская летопись [Текст] / Публ. Е. Л. Конявской // Новгородский исторический сборник. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – Вып. 10 (20). – С. 322–382.

18. Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века [Текст] / публ. Х. Лопарева. – СПб.: Изд. ОЛДП, 1892.

19. Полное собрание русских летописей [Текст] (далее – ПСРЛ). – СПб.: Изд. Императорской Археологической комиссии, 1901. – Т. 12.

20. ПСРЛ [Текст]. – М.: Наука, 1965. – Т. 30.

21. ПСРЛ [Текст]. – М.: Языки русской культуры, 2005. – Т. 20.

22. ПСРЛ [Текст]. – СПб.: Изд. Императорской Археологической комиссии, 1904. – Т. 13. 1-я пол.

23. ПСРЛ [Текст]. – СПб.: Изд. Императорской Археологической комиссии, 1859. – Т. 8.

24. Соловецкий летописец конца XVI в. [Текст] / публ. В. И. Корецкого // Летописи и хроники. 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 223–243.

25. Титов, А. А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках [Текст] / А. А. Титов. – М., 1911.

26. Титов, А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву [Текст] / А. А. Титов. – Сергиев Посад: Изд. И. А. Вахрамеева, 1892. – Вып. 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya [Tekst] / Izd. podgotovili: E. N. Klitina, T. N. Manushina, T. V. Nikolaeva. – M.: Nauka, 1987.

2. Voronin, N. N. Pereslavl' Zaleskiy [Tekst] / N. N. Voronin. – M.: Izd. Akademii arkhitektury SSSR, 1948.

3. Gerbershtejn, S. Zapiski o moskovskikh delakh [Tekst] ; P. Iovij Novokomskij. Kniga o moskovskom posol'stve / S. Gerbershtejn. – SPb.: Izd. A. S. Suvorina, 1908.

4. Golubinskiy, E. E. Prepodobnyj Sergij Radonezhskij i sozdannaya im Troitskaya lavra [Tekst] / E. E. Golubinskiy // Shteniya v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh. – M.: Izd. Imperatorskogo Obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh, 1909. – Kn. 3. – S. 95–424.

5. Zhitie Korniliya Komel'skogo [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb.: Nauka, 2005. – T. 13. – S. 304–353.

6. Zabelin, I. Troitskie pokhody russkikh tsarej [Tekst] / I. Zabelin. – M.: Izd. Imperatorskogo Obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh, 1847.

7. Zimin, A. A. Kratie letopisty XV–XVI vv. [Tekst] / A. A. Zimin // Istoricheskiy arkhiv. – M.; L.: Izd. Akademii nauk SSSR, 1950. – T. 5. – S. 3–39.

8. Ilarij, Arsenij. Opisanie slavyanskikh rukopisej biblioteki Svyato-Troitskoj Sergievoj lavry [Tekst] / Ilarij, Arsenij. – M.: Izd. Imperatorskogo Obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh, 1878. – CH. 2. – Otd. 6.

9. Il'inskiy, P. Pereslavl'skiy Nikitskiy monastyr' i ego podvizhnik prepodobnyj Nikita stolpnik [Tekst] / P. Il'inskiy. – Vladimir, 1897.

10. Kavel'makher, V. V. Novye issledovaniya Raspyatskoj kolokol'ni Uspenskogo monastyrya v Aleksandrove [Tekst] / V. V. Kavel'makher // Restavratsiya i

arkhitekturnaya arkheologiya: Novye materialy i issledovaniya. – M.: VNIITAG, 1991. – S. 110–124.

11. Kavel'makher, V. V. Pamyatniki arkhitektury drevnej Aleksandrovoj slobody [Tekst] / V. V. Kavel'makher. – Vladimir: Zolotyje Vorota, 1995.

12. Kratkij letopisets Svyatotroitskiya Sergievy Lavry [Tekst] / Publ. Leonida, arkhim. // Gorskij, A. V. Istoicheskoe opisaniye Svyato-Troitskiya Sergievy lavry [Tekst] / A. V. Gorskij. – M.: Izd. Troitse-Sergievoj lavry, 1890. – CH. 2 – S. 177–182.

13. Mayasova, N. A. Drevnerusskoe litsevoe shit'e iz sobraniya Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Tekst] / N. A. Mayasova // Drevnerusskoe iskusstvo. KHudozhestvennyye pamyatniki russkogo Severa. – M.: Nauka, 1989. – S. 203–224.

14. Mayasova, N. A. Pamyatniki srednevekovogo litsevogo shit'ya iz sobraniya Uspenskogo sobora [Tekst] / N. A. Mayasova // Uspenskij sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya. – M.: Nauka, 1985. – S. 189–214.

15. Nikolaeva, T. V. Sobranie drevnerusskogo iskusstva v Zagorskom muzee [Tekst] / T. V. Nikolaeva. – L.: Avrorra, 1968.

16. Nikol'skij, N. K. Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII veka [Tekst] / N. K. Nikol'skij. – SPb.: Sinod. tip., 1897. – T. 1. – Vyp. 1.

17. Novgorodskaya Bol'shakovskaya letopis' [Tekst] / Publ. E. L. Konyavskoj // Novgorodskij istoricheskiy sbornik. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 2005. – Vyp. 10 (20). – S. 322–382.

18. Povest' o Borisoglebskom monastyre (okolo Rostova) XVI veka [Tekst] / Publ. KH. Lopareva. – SPb.: Izd. OLDP, 1892.

19. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Tekst] (dalee – PSRL). – SPb.: Izd. Imperatorskoj Arkheologicheskoy komissii, 1901. – T. 12.

20. PSRL [Tekst]. – M.: Nauka, 1965. – T. 30.

21. PSRL [Tekst]. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2005. – T. 20.

22. PSRL [Tekst]. – SPb.: Izd. Imperatorskoj Arkheologicheskoy komissii, 1904. – T. 13. 1-ya pol.

23. PSRL [Tekst]. – SPb.: Izd. Imperatorskoj Arkheologicheskoy komissii, 1859. – T. 8.

24. Solovetskij letopisets kontsa XVI v. [Tekst] / publ. V. I. Koretskogo // Letopisi i khroniki. 1980 g. – M.: Nauka, 1981. – S. 223–243.

25. Titov, A. A. Rostov Velikij v ego tserkovno-arkheologicheskikh pamyatnikakh [Tekst] / A. A. Titov. – M., 1911.

26. Titov, A. A. Rukopisi slavyanskije i russkie, pri nadlezhashhie I. A. Vakhrameevu [Tekst] / A. A. Titov. – Sergiev Posad: Izd. I. A. Vakhrameeva, 1892. – Vyp. 3.